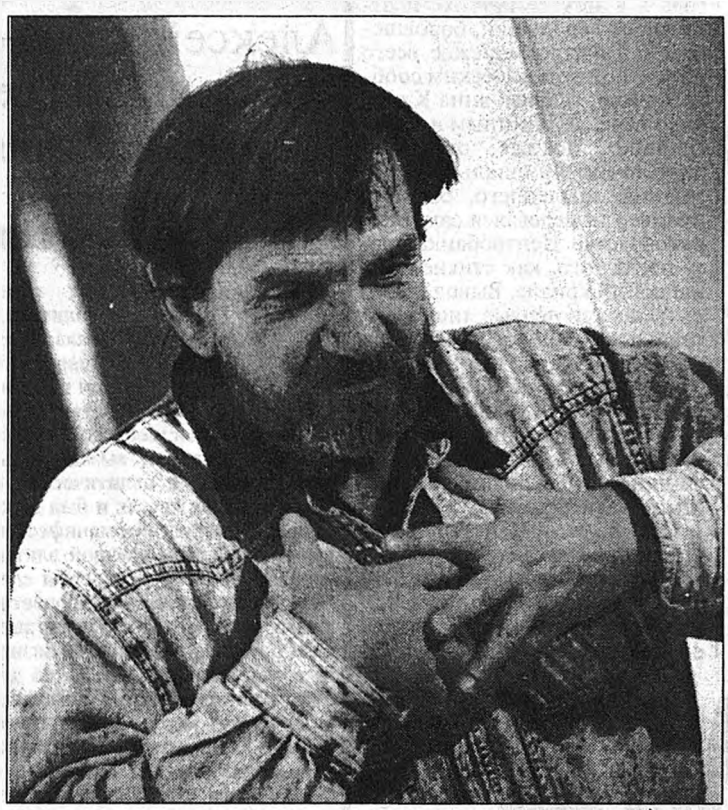
МЕЖДУ МОСКВОЙ И БЕРЛИНОМ

Монолог бездомного режиссера

Независимая газ.-1999-13 апр.-с.7

Геннадий Абрамов

Режиссер Геннадий Абрамов восемь лет работал со своим коллективом «под крышей» другого коллектива – «Школы драматического искусства» Анатолия Васильева. Уйдя от Васильева не по своей воле, Абрамов – а вместе с ним Театр пластической импровизации – оказался практически на улице. С соответствующим набором проблем, каждая из которых в отдельности и все вместе упираются, естественно, в деньги. Публикуя «заметки по поводу» Геннадия Абрамова, отдел культуры «НГ» исходит из того, что ситуация, в которой находится театр, – не частный случай. В ней точно отражены многочисленные «вопросительные знаки», нависающие над отечественными театральными коллективами. Те самые, что обсуждались недавно на Российском театральном форуме.



Геннадий Абрамов на распутье. Фото Евгения Бурмистрова

ОТДЕЛИВШИСЬ от «Школы драматического искусства» Анатолия Васильева, «Класс экспрессивной пластики» очутился в совершенно новом пространстве. Во-первых, он попал в обширную географию театральной Москвы: на городской карте появилось новое название – Театр пластической импровизации. Но, войдя де-факто в эту географию, театр де-юре в нее не вошел. Мы сыграли серию спектаклей на сценах гостеприимных коллег, предоставивших такую возможность – у Врагової, у Левитина, – но непонятно, в каком статусе. Поскольку мы не юридическое лицо, то официального названия – театр такой-то – мы не имеем. С одной стороны, мы играли как самодеятельный коллектив, с другой – как имеющие репутацию профессионалы.

Это положение может продлиться неопределенно долго. На сегодняшний день мы без денег, без помещения, без определенных материальных перспектив. Но собираем публику (полные залы!), ездили недавно на фестиваль в Вильнюс, в конце марта с триумфом играли в Берлине, и по выступлениям время расписано надолго вперед. В то же время я ощущаю себя бомжом.

У нашего коллектива есть два варианта – быть под крышей московского Комитета по культуре или стать антрепризой. В идеале я хотел бы объединить антрепризу и государственный театр.

Я не хочу иметь свое здание театра. Это очень обременительно, так же как и держать огромный штат. Мне кажется, что театр импровизации, подобный нашему, обязательно должен быть мобилен. Вариативность – естественная форма его существования. Менять репетиционные и игровые площадки, временно присоединяться к драматическим театрам – чтобы вместе что-то сыграть, или принять участие в телепередаче, или выступить на подиуме с каким-нибудь шоу... Мы можем работать даже в ночных клубах. Кстати, это была бы интересная с творческой точки зрения идея: как сделать такое представление, чтобы, не теряя развлекательности, избавить ночной клуб от общепринятого ярлыка «заведений для стриптиза»?

Коллектив импровизаторов должен уметь делать все и существовать в импровизационном режиме. Наша уникальность в том, что мы ищем в качестве конечного результата то, что многие считают эскизом, началом творческого процесса: импровизацию многие режиссеры не разрешают на конечной стадии – в спектакле, допуская ее только на репетиции. На базе нашего «Класса экспрессивной пластики» я хотел бы создать некий Центр импровизации, в котором могли бы быть свободно посещаемые мастер-классы, где мы открывали бы всем желающим систему уникального тренинга, нами разработанную, обмен педагогами, информацию обо всем, что делается в стране по импровизации. В общем, что-то по образцу Центра знаменитого современного хореографа Пины Бауш в Вуппертале.

Я делаю спектакли практически без декораций и костюмов, с помощью света создавая у публики ощущение того и другого. Так что мы – дешевый театр. Следуем лозунгу великого артиста Декру: театр начинается с коврика и голого тела. Чистое движение на чистой сцене... Но полностью сделать театр окупаемым я не могу. И никто не может. Такое искусство во всем мире, что называется, планово убыточное.

Если критика пишет о нас, что мы делаем новый вид искусства, если мы ни на кого не похожи, то власти в культуре должны заинтересоваться таким театром Москвы, который имеет международный резонанс. Мы – единственный театр Москвы, который попал в обозрение драматических театров в «Ньюсуик» под названием «Возрождение культуры». Автор этой статьи написала, что в других театрах столицы она увидела давно известное ей по европейским подмосткам зрелище. Везде, но не у нас.

На мой взгляд, существует проблема с предоставлением дотаций городским театрам – кто и как их распределяет. Если бы денежный пирог делился более рационально – уверен, всем бы хватило. Нужно только подойти с умом, иногда урезать аппетиты маститых репертуарных театров, привыкших к роскошным декорациями и костюмам, к пышным дорогим постановкам. Подобная роскошь часто диктуется привычкой мэтров работать в льготных условиях, а не эстетическими потребностями конкретной постановки. Нам нужна структура, подобная Институту танца в Голландии. Там работает специальный штат подготовленных людей, получиновников-полуэкспертов. Они независимы от любого театра и дают рекомендации самостоятельно существующему фонду, который распоряжается процентами (только процентами, но не капиталом!) со средств, хранящихся на специальном счету в банке. В соответствии с этими рекомендациями фонд выделяет дотации из этих процентов (деньги – смешанного происхождения, государственно-меценатские). Конкурс для соискателей этих дотаций очень жесткий, регулярный и не делающий послаблений ни для кого – на равных каждый год предоставляют проекты и конкурируют признанные постановщики и начинающие режиссеры. Эта система очень гибкая и давно доказала свою состоятельность, благодаря ей современный танец в Нидерландах процветает. ■